

Жуки / отрывок из романа

Category: Kitapcy, Romanlar

написано kitapcy | 24 января, 2025

Жуки / отрывок из романа ЖУКИ

(главы из романа)

От переводчика:

Роман Ырысбека Дабая «Қоңыз» – «Жуки» издан на казахском языке в конце 2019 года. Роман основан на реальных событиях 2011 года, случившихся в городе Жанаозен в западном Казахстане. В центре сюжета мирная забастовка нефтяников, требовавших улучшения условий и оплаты труда, продлившаяся семь месяцев. Работодатель и власти игнорировали мирную акцию протеста пока обстоятельствами не воспользовались провокаторы, что привело к кровавой трагедии 16 декабря 2011 года. Несмотря на почти документальное изложение событий, в романе много отступлений, метафор и отсылок к истории и народному эпосу. Название рождает множество аллюзий, одна из которых, идиома «қоңыз теріп кету», буквально переводится с казахского как «идти собирать жуков» и означает «побираться», «просить милостыню».

1

Увесистый мосел со стуком упал на асфальт прямо у ног Мурата, отлетел, и пару раз перекатившись, замер на брусчатке. Парень с пухлыми щеками и самодовольной ухмылкой бросал в толпу кости, словно ожидая, что люди станут драться за них как свора собак. Нисколько не смущаясь возмущенных взглядов, он скомкал в руке целлофановый пакет, в котором вынес кости, и громко объявил:

– Это вам от гостей юрты!

Толпа на площади заколыхалась. Со всех сторон слышались злобные выкрики и проклятия в его адрес:

– Чтоб ты сдох, пес безродный!

– Побойся Бога, падальщик!

– Смуту затевают, шакалы!

– Где аким, который вчера бил себя в грудь? Прочь, шестерка акима!

– Твою мать... Что эта тварь себе позволяет, б**ть?! Я ж тебе эти мослы в одно место засуну, держите его!

– Стой, скотина! Чтоб шакалы тебя разодрали!

Парень, испугавшись гнева окружающих, неуклюже подпрыгивая, побежал в сторону юрты. Никто за ним не погнался. Какое-то время после побега толстяка на площади еще слышались возмущенные крики и голоса, призывающие друг друга к спокойствию.

Мурат переступал озябшими ногами и кутаясь в полосатую спецовку, надетую поверх толстого свитера, оглядывался вокруг. Небо затянуло облаками. Мороз, словно подгоняемый порывистым ледяным ветром, крепчал и свирепел. На западной стороне площади стояли в ряд пестрые юрты. Вокруг них на столбах развевались разноцветные флаги. Иногда доносился вонючий запах газа. Громкие, разнузданные речи подвыпивших людей в юртах перебивал голос молодого певца, поющего на сцене в центральной части площади, пританцовывая и подергивая плечами в такт мелодии. Шум и грохот оглушали. Среди сотен людей, собравшихся здесь были нефтяники, участвовавшие в мирной забастовке, и горожане, вышедшие на праздничные гулянья. Группа парней и девушек радостно селфилась и снимала друг друга на камеры телефонов на фоне аляповато украшенной новогодней елки.

Увидев валяющуюся под ногами кость, Мурат почувствовал тревогу в груди. Сквозь отверстия начисто обглоданной подвздошной кости проглядывала серая брусчатка. Некоторое время он разглядывал эту кость, больно задевшую его гордость, потом ткнул в нее ботинком и пнул в сторону, словно избавляясь от опустошающей душу тревоги. Мосел отлетел, покатился по асфальту и приткнулся к каблуку Сейсенбека, наблюдавшего, вытянув шею за тем, что происходит на сцене.

– Большая кость, жирного барана зарезали. Эй, парень! Собери кости и выбрось в мусорку, а то они и это на нас свалят, – сказал Сейсенбек.

Мальчик с мусорным мешком в руках тут же прибежал на зов, словно ожидал приказа, быстро подобрал кости и, дергая плечами, поспешил к высоткам в западной части площади. Мурат провел рукой по бледному замерзшему лицу и сказал, обращаясь к Сейсенбеку:

– Вот это уже слишком.

– О чем ты? – спросил тот.

– Про их дастархан с жирной бараниной и «подарочки» со сцены. Сейсенбек поправил сползший на спину капюшон и надвинул его поверх ушанки с коричневым мехом. Огромный капюшон почти полностью прикрыл некрупную голову мужчины. Из-под ткани теперь выглядывала лишь нижняя часть лица.

– Нас за людей не считают. Сами жрут, пьют, празднуют. Все это от жадности и невежества. Забыли напрочь, что такое честь и человеческое достоинство. Сплошное издевательство! – сказал Сейсенбек, нахмутив брови, и словно потемнел лицом.

– Еще какое издевательство! И до этого не раз провоцировали, только это уже удар ниже пояса.

– По божим законам, вроде, живем, только никакой надежды не осталось. Домашние всю плешь проели. Денег нет, хоть побирайся. В долгах как в шелках. Кредитов набрали, так уже и переживать за них перестали. Что за жизнь пошла?

– Не переживайте, Сейсенбек-аға. Выкрутимся как-нибудь. Семь месяцев без зарплаты, всем тяжело. Но что поделаешь? Внимание мы на себя обратили. В любом случае, им придется с нами считаться – и властям, и начальству, – сказал Мурат и зевнул.

– Эх, ерунда все это, брат! За исключением одного-двух партийных боссов и парочки активистов никто о нас и не слышал. Сам же знаешь, что про нас в этих толстых газетах пишут, нас там давно уже очернили, там клевета. Сомневаюсь, чтобы люди знали о наших проблемах. Что-то ты бледный сегодня. С утра здесь? – озабоченно спросил Сейсенбек.

– Да. Как на службе, с раннего утра, – улыбнулся Мурат. – У нас дома не лучше. Позорище! На пенсию родителей живем. У меня же дети, семья, не знаешь как эти копейки на месяц растянуть. Но мы уже большой путь прошли, надо держаться до конца. Вот праздники закончатся, там посмотрим. В любом случае, надо

дождаться, когда наши требования рассмотрят. Больше ничего не остается, зря что ли столько времени здесь торчали?

Сейсенбек утвердительно покачал головой. Мурат, перебирая ногами, огляделся вокруг. Народ все прибывал и прибывал на площадь. Громкость музыки временами добиралась до нестерпимого предела. Рядом прошла женщина, она вела за руку рыдающего мальчика с разноцветными шарами, покрикивая на него.

– Мурат, ты заметил людей в красных спецовках? Откуда они? Ты их знаешь? – спросил Сейсенбек.

– Не, не знаю. Спецовки новенькие, одеты с иголки.

Сейсенбек вытащил из кармана маленький пузырек, насыпал в правую ладонь крупный черно-зеленый насвай. Потом положил пузырек обратно в карман, пересыпал зернышки пару раз из одной руки в другую и подул на них. Шелуха разлетелась, остались гранулы, которые он закинул в рот, потер руки, стряхнув пыль, и продолжил:

– Твою мать... Вот зачем эта толпа, типа, видимость праздника?

– Не переживайте так сильно. Устроится все, Сейсенбек-аға, – ответил Мурат.

– Летом в пекле сидели, теперь задницы морозим. Чем дальше, тем ряды наши реже. Если честно, я уже ни на что не надеюсь. Семь месяцев, семь месяцев, твою мать, целых семь месяцев!

– Не расстраивайтесь, – повторил Мурат.

Сейсенбек подвигал губами, зажимая под нижней насвай, и покачал головой. Мурат огляделся, словно ища кого-то глазами. Только, как бы он ни всматривался в толпу, не мог найти. Зато увидел приближающегося со стороны юрты певца-жыршы. Певец остановился недалеко от Мурата, положил на землю мешковину, которую сжимал в руке, сложил в несколько раз и сел на нее.

Жыршы взял в руки домбру и стал настраивать инструмент, постепенно впадая в транс. Пухлыми пальцами правой руки он бил по струнам, а пальцы левой руки бегали вниз-вверх, словно гнались за ладами. Покачивая головой из стороны в сторону он прокашлялся, настраивая голос и запел. Мелодия, набирая высоту, взвилась вверх.

...Наяву, а не во сне

подумал я, что это все –

не дело рук большевика...

Песню перебивали громкие голоса, грохот музыки.

Мелодия иногда долетала до Мурата, потом пропадала, словно, птица с раненым крылом.

«Көкмойнақ» — адаевских коней косяки.

Эх, мелодия домбры:

когда песня — крик души

когда горечь — вкус еды

когда сладость — соль земли.

...

Только Мурат начал подпевать знакомые с детских лет строчки эпоса, как голос певца резко оборвался. Певец вскочил с места, словно утомившись от шума и грохота, поднял с земли и сунул под локоть мешковину, ушел. Мурат следил за певцом взглядом, пока тот не скрылся за юртами.

— Расписка, которую аким подписал, когда юрты устанавливали у тебя? — спросил Сейсенбек.

— Да, у меня, — ответил Мурат.

— Хорошо, что взяли с него расписку.

— Пока гулянья не закончатся, буду беречь ее как зеницу ока. Он же только на публике себя в грудь бьет, а случись что, днем с огнем не сыщешь.

— Так и есть. Ему нельзя доверять, сколько раз обманывал, — подтвердил Сейсенбек.

Мурат бросил безразличный взгляд на юрты.

2

Около полудня к западной части площади подъехала и остановилась старая грузовая машина. Из кабины выпрыгнул долговязый парень в сапогах с войлочным отворотом. Он стряхнул пепел с сигареты, зажатой в зубах, и направился к кузову. Пока водитель открывал борта, из кабины вышли пожилая женщина и юноша. Водитель с парнем начали выгружать из кузова и ставить на землю посуду, казаны и другую утварь. Вслед за этой машиной

подъехали и остановились еще два грузовика с деталями каркаса юрты и какими-то принадлежностями. Группа бастующих нефтяников двинулась в сторону грузовиков. Мужчины окружили первую машину.

— Апа, это ваша юрта? — спросил съезжившийся от холода нефтяник с надвинутым поверх шапки капюшоном спецовки, пряча руки в рукава.

Женщина, наклонившись над тюком, развязывала узлы. Она подняла голову и глянула на хозяина поношенных, давно не знавших сапожного крема ботинок со стершимися, посветлевшими носками. Она потерла нос краем обносившегося пухового платка и ответила:

— Да пропади все пропадом! Угораздило же меня из такой дали приехать! До костей продрогла пока добрались. В машине холодина. Приехали сюда дом ставить. Конечно же, моя юрта! Чья же еще? Хранила её в память о покойном муже. Ни за какие деньги никому не давала. Только когда аким аула без конца начал просить — уступила, взяла с собой племянника и приехала. Сынок мой единственный, видимо, бурно праздновал вчера — не смогла его утром разбудить, — рассказала женщина и села на тюк.

Потом, обращаясь к молодому парню, который разговаривал с водителем, сказала:

— Эй, Мад! Пойдем, давай уже разберем это барахло. Аким говорил: «Вы только приезжайте, остальное на месте организуем». Вот кто теперь юрту собирать будет? Я что ли?

— Из какого аула приехали? — продолжил расспросы нефтяник.

— Из Майкудука, — ответила женщина.

— И вы посмеете установить на этом месте юрту? Мы же здесь семь месяцев стоим, чтобы свои кровные получить, — поинтересовался другой нефтяник.

— О чем это он, пропади все пропадом? — спросила женщина и встала, подперев руками бока.

— Апа, эти люди — нефтяники, они здесь с лета стоят, выражают тем самым протест, — плечом указал на толпу людей Мурат, вмешиваясь в разговор.

— Дорогие вы мои! Откуда же мне было знать о вашей забастовке?

Сказали: «Отвези, установи юрту, гулянья проведем», я и рада стараться! Да ну их, пропади пропадом их деньги и все остальное, – сказала женщина и снова обратилась к племяннику:

– Эй, Мад! Давай загружать вещи обратно, – и начала завязывать пару минут назад развязанный узел тюка. Паренек в шапке и короткой куртке, не понимая что делать, застыл в недоумении. Он побледнел и теперь смотрел по очереди – то на тетушку, то на водителя. Помрачневший от такой новости водитель обиженно буркнул:

– Мне лишних денег не платили, только в одну сторону велено было отвезти, я вас и привез. У меня других дел полно, поехал я.

– Дорогой мой! Если аким не заплатит, сама уж как-нибудь тебе заплачу. Неужели оставишь нас здесь, на произвол судьбы?! Мы разве знали, что здесь люди протестуют? Хватит, прекращай разговоры, вези нас обратно! – скомандовала женщина.

– Аким идет! – сказал кто-то.

Нефтяники тут же окружили акима, который, в сопровождении помощников, подошел к центру площади. Он стоял, сунув руки в карманы. Козырек бобровой шапки надвинут низко на лоб. Воротник черной блестящей куртки поднят, молния застегнута под горло. Лицо от мороза покраснело, места гладко выбритых усов и бороды отдавали синевой. Аким встретил разгневанную толпу с улыбкой.

– Что за толпа, зачем гулянья? Какие достижения праздновать собрался господин Кокеев, с ярмаркой да юртами? – крикнул один нефтяник.

– Парни, давайте отпразднуем как следует, поставим на этом чистом и прекрасном месте юрту, установим сцену! – ответил аким.

– Мы же здесь дольше полугода стоим! Разве это место для праздника? Когда такое было, чтобы зимой, да на камнях юрты ставили? – прокричал чей-то голос.

– Раньше не ставили, теперь поставим. Это дата, которую надо обязательно отпраздновать, – сказал аким, озираясь по сторонам.

– Нет у народа настроения праздновать! Интересно, что ты тут

отмечать собрался?! – возмутился кто-то из толпы.

– Жанасу кроме вас и другие люди живут, больше ста сорока тысяч, между прочим. Они что, не люди? Они хотят праздновать. У нас есть молодежь, семьи с детьми, вот они и выйдут на гулянья.

– А если провоцировать начнут, хулиганье активизируется? Головой отвечаешь, что все мирно пройдет? – спросил Мурат, пробравшись через толпу к акиму.

– Ничего такого не будет! – ответил аким.

– Гарантию даешь? – раздался визжащий женский голос.

– Даю, – уверенно сказал аким.

Загорелая женщина лет тридцати, в синем пуховике и шапке под цвет, вынырнула из толпы, сняла варежку и подала акиму правую руку. А когда аким пожал ее, женщина подняла его руку вверх, не выпуская:

– Вот, видели же, сказал: «Ничего такого не будет» – при всех и по-мужски пожал руку, – повторила несколько раз.

Аким, не отнимая поданной для пожатия руки, держа ее повыше, посмотрел по сторонам и спросил:

– Все на этом? Все видели?

– Видели, – ответила смуглая женщина.

Аким разжал руку и обратился ко всем:

– Ничего такого не будет, Бог тому свидетель, братья! Я тоже Бога боюсь. Не переживайте! – сказал он и приложил обе ладони к груди.

За это время подъехали еще машины, груженные деталями юрт и утварью. Водители, заметив женщину, складывавшую тюки обратно в кузов, в растерянности встали у машин. Вокруг акима сгрудилось еще больше нефтяников, вновь слышались возгласы недовольства:

– Остановить массовые гулянья на площади!

– Не дадим нас спровоцировать!

– Нет доверия ни тебе ни твоим «богам», Кокеев!

– Достаточно вашей лжи и шантажа за эти семь месяцев!

– Очистить площадь!

Лицо акима побледнело, он уже не пытался скрыть ни раздражения, ни злости. Кокеев достал из кармана носовой

платок, снял очки, протер стекла и снова надел их. Потом немного приподнял козырек собольей шапки и, вытянув шею, окинул взглядом людей.

– Мы не можем вести дальнейшие переговоры! Я нахожусь на службе, исполняю приказы, а вы не препятствуйте! Иначе призовем к административной ответственности! Праздник не для вас, а для народа! – сказал он и, что-то шепнув на ухо своему помощнику, взял в руки рацию.

В сопровождении двух помощников аким двинулся сквозь толпу к машинам, груженным юртами, не обращая внимания на возмущенные выкрики людей. Помощник акима в темных очках разговаривал с кем-то по рации, приблизив аппарат близко к губам. Полицейские, группами патрулировавшие местность, тоже направились в сторону грузовиков. Потом они распределились по грузовикам, по пять-шесть полицейских у каждой машины, и начали поспешно выгружать из кузовов посуду, утварь и детали сборных домов. Только одна машина с открытым бортом, гремя посудой, скрылась из виду.

Вещи, загруженные помощником пожилой женщины в одиночку, теперь во много рук спускались обратно на землю. Вокруг вопящей в голос старухи собрались прибывшие грузовиками женщины разных возрастов.

– Чтоб вам пусто было! Что вы здесь вытворяете? Зачем я только приехала? Какой ужас! Пропади пропадом такой праздник, когда заставляют силой юрты ставить! – крикнула старуха и краем пуховой шали вытерла нос.

– Эй, аким, сынок, иди сюда! Что тут происходит, можешь объяснить? – обратилась к Кокееву полная светлолицая пожилая женщина.

Аким, стоявший недалеко и беседовавший о чем-то с полицейским, хотя и слышал, как его позвали, даже не тронулся с места. Женщина крикнула еще раз, громче:

– Эй, аким, сынок, иди сюда! Иди сюда – я сказала! Чего ты нос задрал, словно не женщина тебя родила!

– Ой, апа! Я уже иду к вам! Да...эти... все настроение мне испортили. С праздником вас! – поприветствовал собравшихся женщин аким.

– Да ну тебя, с твоим скоропортящимся настроением... Неудобно нам юрты ставить, когда столько людей протестует. Ты лучше отпусти нас подобра-поздорову. Мы на окраине города живем, хотим уже поскорее отсюда убраться.

– Ой, бабулечки, дорогие! Вы же по доброй воле сюда приехали. Мы ведь с вами договорились, поэтому других юрт не искали. Завтра праздник, мало времени осталось подготовиться. Что же нам теперь делать без вас? Давайте поскорее поставим юрты, а то времени в обрез.

– Аким, молодой человек, чтоб тебе пусто было, как там тебя зовут?! Как говорится: кто предупрежден, тот вооружен. Если завтра что-нибудь произойдет, и с нашими юртами тоже, что делать будем? Расскажи-ка нам, раз отпускать нас не собираешься, – спросила пожилая женщина.

– Зовут меня Балта Кокеев. Завтра ничего не случится, кроме того, что будем праздновать День независимости. А в случае порчи вашего имущества, покроем расходы. За каждую ниточку ответим. Вот сколько стоит ваша юрта?

Женщины зашумели, загалдели между собой. Аким снова повернулся к своим заместителям, указывая на другую часть площади, давая им указания. Женщина средних лет в спецодежде нефтяной компании подошла к акиму и выпячивая два пальца, выкрикнула:

– Два миллиона!

– Ты о чем? – спросил аким.

– Цена юрты, – ответила женщина.

Люди вокруг закивали головами, поддерживая слова женщины. На лице акима обозначилась едва уловимая усмешка:

– Договорились. Если что случится с вашими юртами – все оплатим. Только давайте поскорее поставим! Парни вам помогут.

– Расписку дашь?

– Дам. Только не всем по отдельности, а одну на всех.

Помощник подал акиму, который присел на большой тюк, лист бумаги и черную папку. Кокеев легким касанием ручки написал на бумаге несколько строк и отдал помощнику. Потом вопросительно посмотрел на стоящих рядом Саламата и Мурата, словно спрашивая: «Вам что надо?». Мурат подал акиму несколько листов бумаги. Аким пролистал страницы.

Завтра, 16 декабря, что бы ни случилось на площади, мы, нефтяники, не несем никакой ответственности. Мы простояли на площади мирно семь месяцев на мирной забастовке, не причинив никому вреда, ни сломав ни одной веточки. Точно так же мы будем стоять и завтра.

Аким подписал бумагу и спросил:

– Теперь вы довольны? – и вернул обратно документ.

Нефтяники организованно отошли, освободив место возле грузовиков.

3

Кучка людей обходила только что установленные юрты, заглядывала внутрь. «Работники акимата», – решил про себя Мурат. Ветер без передыху трепал флаг на высоком столбе, со стороны города над площадью нависала железная вышка.

– Саламата не видели, Сейсенбек-аға? Только что здесь был, – спросил Мурат.

– Да, ходил здесь недавно. В магазин пошел, скорее всего. У него тоже зависимость вроде моей. Я без конца насвай кидаю, а он курит постоянно, – сказал Сейсенбек, двигая губами. – Вот я на тебя смотрю и диву даюсь. Насвай не кидаешь, не куришь. Запах алкоголя на дух не переносишь. Не скучно так жить?

Мурат равнодушно хмыкнул. Достал из бокового нагрудного кармана куртки сотовый телефон и посмотрел на время. Узкий экран устаревшей модели Nokia показывал половину одиннадцатого. Мурат положил телефон обратно и сказал: – Когда скучно – спортом занимаюсь. Иногда книги читаю. Хотя в последнее время не до спорта. Перестал в спортзал ходить.

– Заметно, что спортом занимаешься. Худощавый, зато тело накачанное. Все у тебя на месте, не то что мы – хилые. Да и жена постоянно жалуется, что изо рта воняет.

Сейсенбек засмеялся над своими словами и посмотрел на Мурата. Потом достал из кармана тетрадный лист, сложил его в кулек с острым концом, приложил ко рту и выплюнул зеленовато-бурую жижу.

– Строгая у вас жена, – сказал с улыбкой Мурат. – Так вы

сколько раз в день насвай кидаете?

– Думаешь, я считаю? Да и вредно, говорят, этой дрянью увлекаться. Мозги сушит и на сердце действует.

Сейсенбек достал из нагрудного кармана рабочей куртки целлофановый пакет с мятыми бумажками и бросил туда очередной кулек. Приподнял пакет и сказал:

– Это наше изобретение с тех пор, как на площади стоим. Раньше не парились из-за такой ерунды, выплевывали, где попадется и дальше шли.

Сейсенбек усмехнулся и сказал:

– Посчитаю-ка я вечером, сколько раз в день насвай кидаю.

– Правда, что туда куриный помет добавляют? Недавно парни говорили, что в интернете об этом прочитали, – спросил Мурат.

– Не может такого быть. В интернет заглянешь – так есть потом не захочешь. Там пишут, что туши животных перемалывают без остатка для фарша. Из коров с ящуром делают колбасу, все идет в ход, даже шерсть. Никто не отвечает за это, не проверяет. Тогда уж лучше куриный помет в рот кидать да выплевывать.

Мурат рассмеялся. Во рту хохочущего Сейсенбека блеснул золотой зуб.

– Ну вы даете! Если нечем заняться, то лучше – спорт.

– Спорту надо время уделять. А для насвая ничего не надо: кинешь и занимайся своими делами, – расхохотался Сейсенбек.

Окружающие оглядывались на них, удивляясь, чему они так рады.

– Вы правы. Все теперь остановилось, не до спорта. Не зря говорят «Пост и молитвы хороши для сытых», – сказал Мурат.

– Так и есть, наш старший тоже ходил раньше в спортзал, сейчас перестал. Теперь на хлеб бы наскрести. Раньше мизерную зарплату как-то растягивали, сейчас и того не стало. Когда это кончится? – сказал Сейсенбек.

– Дети-то уже подросли?

– У меня же двое сыновей и дочка. Мальчики в десятом и седьмом классе учатся. Дочка в четвертый пошла.

Мурат молча кивнул в ответ и заметил, что на лице Сейсенбека уже не осталось и следа радости. Видно, что устал и отчаялся от нескончаемых, мрачных раздумий. Коричневая меховая шапка под капюшоном сползла низко на лоб. Мужчина трясся от холода,

напоминая догорающую на ветру свечу.

– Позвоню Саламату, где он, интересно, ходит? – сказал Мурат и вытащил из кармана телефон.

Грохот музыки заглушал все звуки.

ВТОРАЯ ГЛАВА

1

Саламат сидел на двух сложенных друг на друга матрасах, опершись спиной о колесо грузовой машины и мучился от нестерпимой головной боли. Он подвигал плечами вправо-влево и огляделся. На небе плыли редкие облака. Над степью, покрытой выгоревшей полынью взгляд упирался лишь во вбитые в землю нескончаемые электрические столбы. Участок ремонта машин на руднике был огорожен низким забором, за которым стояли пристроенные друг к другу белые дома. Огромный гараж с зелеными воротами, закрытыми на замок. Слышался гул проносящихся за ближайшим поворотом машин по автостраде. На обочине громоздились ряды билбордов.

Вокруг грузовика собрались работники, объявившие в знак протеста голодовку, среди них – загорелая женщина лет сорока, в туго повязанном белом платке на голове. Она беспокойно оглядывалась по сторонам, беспрестанно набирала в ладонь горсть песка вперемешку с пылью и высыпала обратно на землю. Саламат поглаживал себя по голове и сжимал время от времени лоб ладонями. Он чувствовал себя обессиленным, от запаха вонючего газа спирало дыхание, к горлу подкатывала тошнота и позывы рвоты. Майские жуки облепили его стоптанные туфли, стоящие рядом с матрасом, насекомые без конца заползали и выползали из них. Саламат тронул сидящего рядом мужчину:

– Голова разрывается от боли.

– У тебя что, давление? – спросил его охрипшим голосом мужчина.

– Нет, – ответил Саламат.

– Это с голодухи скорее всего, прими лекарство.

– Выпьешь лекарство – они начнут распускать слухи, типа, «принимают витамины, делают вид что голодают». К тому же,

лекарство мне не поможет, – ответил Саламат.

– Почему, а что случилось? – спросил коллега.

– Когда буровиком работал, железяка на голову упала, – сказал Саламат и обеими руками сжал лоб.

– Так ты на буровой работал? – удивился собеседник.

– Да, как из армии вернулся, до 2005 года буровиком был.

Наискосок от грузовика слышался гул голосов сотен протестующих нефтяников. На расстоянии примерно пятидесяти-шестидесяти метров, на куче песка, в обнимку с домброй сидел молодой парень. Вдруг он резко ударил по струнам деревянного инструмента. Следом послышался его бархатистый голос. Постепенно грустная мелодия переливаясь, взвилась вверх. Саламат прикрыл глаза и, покачиваясь, влился в ритм песни.

Вступление песни – «элқисса»,

попутчик разума и веры.

Эх, наступили времена

без разума и веры.

Сегодня мир в непостоянстве –

умеренность и стыд пропали.

Нефтяники притихли, прислушиваясь к словам песни и уплывая в транс. Голова певца мягко покачивалась из стороны в сторону.

...Вокруг песчаных холмов –

покойники – ни души.

На подпорки юрты

лиса помочилась.

Среди тучи жужжащих мух

ворона сидит на шесте.

Стервятники – тут как тут –

глумливо

выдалбливают и едят,

покойников глаза.

...

Жыршы пел, склонив голову к домбре. Песня, прозвучавшая как

плач, оборвалась так же резко, как и началась. Певец вскочил с места и направился в сторону дороги. Мужчина, сидевший рядом с Саламатом, поправил белую материю прикрывавшую лицо, снял солнцезащитные очки и вытер слезы.

– Во дает! Слезу пробил своей песней! – вздохнул он.

– Не говорите. Раньше он часто по телевизору выступал, когда с головой в порядке было. С удовольствием его песни слушали. Что с ним, интересно, случилось? Вижу его время от времени возле базара, все в обнимку со своей домброй сидит, – сказал Саламат.

– Про него много всего рассказывают. Что из того – правда, а что – выдумка, никто не знает, разные слухи, – ответил нефтяник.

– Я ничего такого не слышал. Что за слухи? – спросил Саламат.

– Много всего разного. Только я не очень верю. Одни говорят, этот жыршы летним днем уснул на берегу моря. Проснулся среди ночи от шороха, смотрит, а рядом с ним табун лошадей пасется. А он взял и оседлал тут же красавца вороного жеребца и крепко ухватился за его шелковистую гриву. Вздурораженный косяк тут же нырнул в воду и пропал. Жеребец тоже сиганул вслед за табунном, а когда морская вода достигла уровня гривы, вороной скинул певца в воду и тоже скрылся под водой. Парень, ни живой, ни мертвый от страха еле выбрался на берег и, трясясь побежал куда глаза глядят. На следующий день люди нашли его лежащим на берегу, без сознания. Еще говорят, он встретил в безлюдной степи Камбар-ата, пасущего косяк лошадей, и свихнулся от такой картины.

– Какой еще Камбар-ата? – спросил Саламат.

– Прародитель лошадей – Камбар. Говорят, он его и увидел.

– Я в такие вещи не особо верю, но вы рассказывайте, – сказал Саламат.

Голодающие сидели отдельно. Кто дремал, кто равнодушно оглядывался по сторонам. Только эти двое вели оживленную беседу.

– Во время одного из нашествий туркмены забрали в плен двух девятилетних мальчиков и заставили их батрачить на себя, пасти лошадей. Когда один из этих мальчиков, Камбар, играл на домбре

кью, животные под воздействием музыки затихали, успокаивались и ложились вокруг мальчика. Из-за того, что лошади перестали размножаться и прибавлять в весе, хозяева запретили мальчику играть на домбре. Поскольку мальчик не мог прожить и дня без того, чтобы не играть, он прихватил однажды свою домбру и сбежал из плена. Вслед за ним послали, конечно же, гонцов, которые настигли его в месте под названием Каратулей, но в тот же момент под Камбаром разверзлась земля, и мальчик провалился в бездну, оставив на земле домбру. После того случая, говорят, и назвали покровителя лошадей Камбаром. Говорят еще, что каждый год, двадцать второго декабря, открывается портал, разделяющий наш и потусторонний мир, и тогда умершие предки выходят на поверхность земли, чтобы встретиться со своими потомками. Раньше в этот день живые передавали своим предкам подарки и подаяния и совершали жертвоприношения. Камбар-ата же, по легенде, стал на том свете пастухом аруаков в образе лошадей, и там он играет на домбре кюи. Как раз в тот день, когда Камбар-ата ступил на землю во главе аруаков, этот бедолага-жыршы и увидел его в безлюдной степи. Тогда певец наш и сошел с ума. Вот такие слухи ходят в народе про бедного парня. Кстати, того жеребца, которого с ходу оседлал жыршы, называют ретивым жеребцом. В давние времена благородные породы лошадей произошли как раз от ретивых. Короче, ретивые эти, типа, выскакивали из воды и покрывали наших кобылиц, – сказал нефтяник и ухмыльнулся.

– Итак голова трещит, так теперь еще и мозги набекрень от ваших рассказов, – сказал Саламат и улыбнулся через силу.

– Так ты что, не пролечился после того, как на тебя железо упало?

– Свозили меня на обследование, только врачи ничего не обнаружили.

– Ясно, что не обнаружили. Если бы нашли, компании пришлось бы оплачивать расходы на лечение и за ущерб здоровью. Думаешь, им охота платить по счетам? У них там свой междусобойчик. А здоровье только тебе нужно, ты бы обследовался самостоятельно. Мужчина надел солнцезащитные очки и приподнял белую ткань, закрывающую часть носа.

– Никак не получается. По будням на работе занят, на выходные – по хозяйству дел полно. Раньше особо не беспокоила голова, а в последнее время стала часто болеть, – сказал Саламат и снова сжал голову обеими руками.

– Ты мог бы и не участвовать в этом, – сказал мужчина.

– Сколько просидели здесь – выстою уж до конца. В Сумунайгазе и начальников-то нету, чтобы принимать решения, кроме этих усердствующих подлиз, что строят из себя начальников. Где, интересно, аким ходит? За людей нас не считает. Вот увидите, даже если умру на этом вот месте, никому дела до меня нету, – сказал Саламат, откинувшись на баллон грузовой машины.

2

– Сынок дорогой, жеребенок мой, остался ты без отца!

Мать долго причитала, оплакивая мужа у ворот дома, обнявшись с Саламатом, вернувшимся из армии. Саламат, переживая за состояние матери, повел ее в дом. По дороге его молча поприветствовали две снохи, жены старших братьев. Женщины по очереди приобняли и чмокнули парня в щеку. Старшая сноха без конца вытирала кончиком повязанного на голову платка несуществующие слезы. Смуглая, худосочная, высокого роста – младшая сноха поздоровалась с деверем и сразу же поспешила к покосившемуся маленькому домику в западной части просторного двора.

– Пойду, разбужу твоего брата, – сказала старшая сноха, полная, светлолицая женщина, и направилась к маленькой времянке, расположенной с правой стороны ворот. Она пару раз оглянулась назад по пути к дому.

Большой дом из светло-серых шлакоблоков в центре огромного двора, выстроенный когда-то широко и богато, показался теперь Саламату осевшим, прохудившимся. Ветер трепал макушки буйно разросшейся во дворе полыни. Вдоль невысокого забора местами валялись остатки бумажных мешков от цемента. Разглядывая неухоженный, словно осиротевший двор, Саламат почувствовал в душе пустоту и тревогу.

– Смотрю, брат себе дом выстроил что ли, мама?

– Думаешь, они сами построили? Куда там? Начали строить, когда ты в армию ушел, два года возились, только весной и закончили. Без помощи отца и по сей день не достроили бы. Осиротели мы без отца вашего, осиротели. Почему Бог меня к себе не заберет, чем я заслужила такие страдания?

Саламат обнял рыдающую мать. Из глаз парня тоже брызнули слезы.

– Ойбой, дорогой мой брат родной!

К Саламату незаметно подошел старший брат. Лицо опухшее, свалявшиеся, грязные волосы торчат в разные стороны. Саламат бросился к брату.

– Брат мой дорогой! – сказал он и обнял его.

– Родной мой, остались мы сиротами, остались без отца – достойнейшего из людей! – причитал старший брат.

От мужчины несло гнилой травой и сыростью. Вонь резко ударила Саламату в нос, его чуть не вырвало. Брат ослабил объятия и поцеловал его в щеку.

– Возмужал, брат, возмужал! – сказал он.

– Пойдем в дом, – сказала мать и потянула Саламата за руку. Саламат краешком глаза заметил, как брат некоторое время пошатывался, стоя на месте, а потом выпрямился. В синей выцветшей рубашке без рукавов – поникший, похудевший, плечи опущенные, кончики неухоженных, пожелтевших усов повисли – брат потер покрасневшие глаза, вытащил из кармана помятую пачку сигарет и сказал:

– Вот, что значит возмужал. Вот, кто бы радовался твоему приезду, так это наш папа. Иди, проходи в дом, я позже подойду.

Саламат взял в руки сумку и последовал за матерью, он заметил, как сгорбилась от горя ее спина. Она часто охала и горько вздыхала. Маленькой, тонкой, жилистой рукой она схватила ручку тяжелой двери и распахнула ее настежь.

– Пойдем, сынок. Был бы жив отец, встретил бы тебя в Аккале. Эти же только и знают, что алкашить днем и ночью. Могли бы потерпеть, не пить хотя бы до поминок на сорок дней. Еще тело отца не остыло, как они принялись за свое. Два сына спились, не знаю куда от стыда деваться! Дорогой мой, ты, пожалуйста,

не пей эту проклятую отраву! – сказала мать и вздохнула. – Посмотри, во что превратился наш дом – совершенно бесхозный. У входной двери Саламат поддержал за локоть плачущую мать и провел через порог.

– Туда, – сказала мать и указала рукой на гостиную.

На маленьком столе в центре комнаты – прикрытые полотенцем тарелки. С экрана телевизора марки Toshiba громко вещает голос женщины. Саламат услышал, как диктор радостно сообщила об открытии памятника прославленному Абулхаир-хану в рамках государственной программы «Год поддержки культуры».

– Сынок, выключи эту трещалку, надоело уже. Даже некому в этом доме молитву почитать. Иди умойся, давай уже по-свойски отца вспомним, Бога поблагодарим за то, что имеем, – сказала мать и сняла полотенце со скромного дастархана на столе.

Саламат вышел во двор. Старший брат умывался у прибитого к деревянному столбу маленького рукомойника, громко отхаркиваясь и сплевывая. Обе снохи стояли у входа. Второй брат так и не появился. Саламат вымыл руки остатками воды в рукомойнике и вернулся в дом.

Незаметно пролетел месяц, Саламат устроился на работу в буровую компанию, как только справил по отцу поминки на сороковой день.

Бульдозеры и землеройные машины-скреперы вырыли и утрамбовывали участок шахты, вздымая до небес пустынную пыль. На ровных участках кранами уложили тяжелые цементные плиты. Поверх плит установили высоченную железную вышку. Звук мотора за время строительства посадил барабанные перепонки. Резкий запах газа и химикатов пробил обоняние. Саламат отработал на вышке год, успел за это время ощутить и летний зной, и зимние морозы на ледяном ветру.

Как раз к поминкам – годовщине отца, Саламат возвращался с вахты с тяжелым грузом. Вдвоем, с коллегой-буровиком они повезли свою ношу на окраину города, в дом, где скупали с рук товар.

– Что там у вас? – спросил скупщик, щуря и без того узкие глаза.

– Три долота разного размера. Кабель есть, точно не знаю, сколько метров. Ключи еще есть... – ответил Саламат.

– Сколько просите за все? – спросил закупщик, двигая толстой шеей.

– Пятьсот тысяч, – неуверенно, дрожащим голосом ответил товарищ Саламата.

Скупщик кивнул и громко рассмеялся.

– Это того стоит, – сказал Саламат, – Тут же целых три долота, стоимость алмазного наконечника сами знаете.

– За такую цену не могу купить. За триста тысяч отдадите – возьму.

– Может добавите немного? – спросил нефтяник.

– Нет, – отрезал скупщик.

– С такой дали эту тяжесть перли, дайте хоть четыреста тысяч. Вынести все это – не просто, – сказал Саламат, хлопая скупщика по плечам.

– Сбывать ворованное тоже не просто. Короче, я свою цену назвал, а вы сами решайте.

Буровики долго не думая согласились.

Разделив поровну деньги, они пошли к трассе. Время было послеполуденное, началась жара. По узкой тропинке они вышли на дорогу, где время от времени на большой скорости, с гулом, проносились машины.

– Домой поедешь? – спросил Саламат у попутчика.

– Да, домой, – ответил буровик.

– А я на базар заеду. Отцовские поминки скоро, продуктов куплю.

– Ну давай, Бог в помощь. На связи.

Саламат срезал путь до остановки такси по щербатой асфальтовой дороге.

Уже солнце близилось к закату, когда к воротам дома подъехала и остановилась машина УАЗ. Выйдя из машины, Саламат открыл железные ворота и автомобиль заехал во двор. Он поспешно выгрузил из заполненного под завязку кузова продукты и занес их в маленькую комнатку рядом с прихожей. Водитель машины помог парню выгрузить два оставшихся мешка с мукой, получил деньги и уехал. Старшая сноха постояла у входа, наблюдая за

Саламатом, и скрылась во времянке.

– Мама, привет! – крикнул парень, войдя в дом.

– Как ты, жеребенок мой? Слышала, кто-то во дворе ходит. Так и знала, что это ты. Пару дней как ноги ноют, болят, покоя не дают, ступить не могу без боли. Могли бы уже не болеть, пока поминки отца проведем. Сегодня в обед старшая сноха принесла крем какой-то, намазала – полегчало немного. А то ныли нестерпимо.

– Завтра поведу вас к врачу. Не переживайте, мама.

– В прошлый раз, когда звонила тебе, уже боли начались, только я не стала тебя беспокоить, чтобы не переживал. Сроду так не болели ноги.

– Простыла, наверное. Завтра укол сделают – сразу полегчает.

– На газовой плите – еда, разогрей себе что невестка принесла, поешь. У меня аппетит совсем пропал. Немного поем и тяжесть в желудке появляется, – сказала, вздыхая мать. – Мое время, видимо, тоже подходит к концу.

Саламат прошел на кухню, поставил чайник и включил конфорку под маленьким казаном с разваренными макаронами на доньшке. Отодвинул в сторону немытую посуду и протер стол уже чуть завонявшей влажной тряпкой. Пол кесешки чая с плавающей в ней молью вылил в помойное ведро. На посуде остался черный ободок от черного чая.

Потом, поддерживая за плечи, привел и посадил за стол маму и они долго пили вдвоем чай.

– Посижу с тобой за компанию. Я же говорила, аппетит напрочь пропал, ничего не хочу, – сказала немного повеселевшая мать. – Так и будешь бобылем ходить. Вот бы при жизни на твоей свадьбе погулять!

– Ой, мама! Вы говорите, словно помирать на днях собрались. Даст бог, женюсь. Надо подсобирать еще денег.

– Так есть у тебя кто-нибудь? – спросила мама.

Саламат промолчал.

– Если будешь на работу и деньги ссылатся – так и проходишь всю жизнь один. «Пока не женишься и приплода богатого у скота не жди».

– Тогда почему у них приплод не богатый? – спросил Саламат

указывая на окно, и рассмеялся.

— Эх, перестали бы пьянствовать, на работу бы устроились, все бы у них было! Смотреть противно, не знаю, что и делать. Никто из них не побеспокоился, что у отца поминки, что готовиться надо. Что за люди! Если бы не ты, они бы и не вспомнили. Хорошо, хоть дети у них взрослые, сами по себе, без родителей обходятся.

Так за невеселыми разговорами незаметно наступила ночь, во дворе застрекотали сверчки. Саламат отвел мать в спальню, уложил и вышел на улицу. Почувствовал в воздухе дуновение ночной прохлады. На безлунном небе светили звезды. Со стороны дома одного из братьев слышалась истеричная брань снохи.

Парень не смог уснуть до поздней ночи. Долго ворочался, а потом незаметно уплыл в сон от усталости и заснул крепко. Спящего без задних ног Саламата ближе к полудню разбудил скрип отворяемой и захлопывающейся входной двери.

— Мама, это вы? — крикнул он в сторону двери.

— Что, сынок? О чем ты? — ответила мать.

Голос матери шел из спальни. Саламат второпях оделся и выскочил из дома. Обе снохи с полными пакетами в руках бежали — каждая к своему дому. Парень вернулся в дом. Количество пакетов в открытой комнатке у прихожей заметно уменьшилось, некоторые продукты были рассыпаны на полу.

— Вот же сволочи! — зло процедил он и стиснул зубы. — Ни стыда, ни совести — в своем же доме продукты воруют.

Саламат заметил, как снохи таскали еду пакетами и во время поминок отца, но ничего не стал говорить. В день отъезда на вахту он сказал матери:

— Мама, осенью женюсь. Будем жить подальше от них, от этого места, даже если придется снимать жилье.

Жужжание мотора одиноко стоящей посреди глухой степи сорокаоднометровой буровой вышки не прерывалось ни на секунду. Как только остановилось движение ротора, помощник буровика взял в руки трехметровую толстую арматуру и закрыл ею задвижку блока. Установил вращатель, выполнивший свою временную функцию, как положено, в железном квадрате. Арматуру помощник

буровика прислонил к металлической опоре вышки. Саламат, в свою очередь, вдел открытую часть элеватора в трубу, прикрыл стенку рычагом, затем повесил стальные серьги на подвески задвижек с обеих сторон элеватора и подал машинисту знак. Нырнувшие в скважину стальные тросы элеватора вытянули три из неисчислимого количества десятиметровых труб на поверхность земли и застыли, добравшись до верхнего балкона. Барабан со стальными тросами работал в бесперебойном режиме. Саламат почувствовал кисловатый запах химического раствора, поступившего сверху в скважину. Раздался фыркающий звук ключа автоматизированной буровой, снимающей соединяющую муфту железных труб. Муфта потянула нижний конец снятой трубы и доставила его к месту стыка труб в стене скважины. Помощник буровика на балконе вытащил верхний конец трубы из элеватора и круговыми движениями троса сравнял его с нижним концом.

Дно скважины, из которой вынули трубу, заполнилось химическим раствором. Барабан, раскручивающий стальные тросы, снова завертелся и заработал блок. Внезапно раздался звук удара о каску. В глазах Саламата сверкнула молния, закружилась голова, и мужчина присел на корточки. Сильный удар по голове сотряс внутренние органы. От вонючего запаха затошнило. Он тяжело схватился за голову и сел, вытянув ноги. Рядом валялась толстая арматурина, до этого стоявшая опоры у вышки.

— Что случилось? Железо упало?

Машинист схватился за голову, подошел к теряющему сознание Саламату и внимательно посмотрел на него.

— Да, — ответил Саламат, еле шевеля языком, — голова, голова трещит.

Саламат снял каску и провел ладонью по голове. Кожа под волосами показалась на ощупь очень мягкой.

— Сильно болит? — спросил машинист.

— Я прилягу, болит...

— Ложись сюда, — сказал мужчина, снял спецовку, свернул ее под голову Саламату и, придерживая за плечи, уложил парня.

Неожиданно затих звук мотора, у ротора собрались люди. Саламат лежал на спине, упираясь взглядом в верхушку вышки. Он часто моргал и сглатывал слюну.

– Мастер пришел, – сказал кто-то.

– Что случилось? – подойдя, спросил запыхавшийся от быстрой ходьбы мастер.

– Арматура на голову упала, – сказал машинист.

– Как это арматура упала?

– Ну, арматура, которой открывали задвижку блока, ее прислонили к вышке, вот она и упала на него.

– А зачем ее туда поставили? Сколько раз говорил вам: сразу спускайте вниз, на землю. Вышка в постоянном движении, все трясется. Ясно, что арматура упадет, если ее прислонить. Каждый день талдычим вам о правилах безопасности – все мимо ушей. Поэтому и говорим постоянно: Никогда не снимайте каски, иначе бы мозги разлетелись в разные стороны, – нервно высказался мастер и обратился к Саламату:

– Сможешь подняться на ноги, к вагону пройти? Время обеда подошло, – мастер наклонился, посмотрел Саламату в глаза и спустился вниз по лестнице.

Саламат поднял голову, повертел шеей. Провел ладонью по голове и, часто моргая, посмотрел на стоящих рядом рабочих. Один из нефтяников потянул его за руку и помог встать на ноги.

– Пойдем к вагону, тебя, наверное, в город отправят.

Женщина у маленького квадратного окна раздачи одинаково быстро орудовала руками и языком. Тучная, лет пятидесяти, в переднике, с туго повязанным платком на голове, она поставила на поднос Саламата порцию жидкого супа и тарелку белого риса с мелкими, едва заметными кусочками курицы.

– Апа, кефир не нальете? – сказал Саламат через силу.

Землистого цвета щекастое лицо поварихи, которая в этот момент подносила два куска хлеба в тарелке и черный чай в стакане, скукожилось и затряслось от раздражения. Женщина издала толстыми губами сиплое шипение.

– Скоро смена вахты, какой еще кефир? Думаешь, я все выпила и сожрала? Туча народу здесь питается, вот и кончилось.

– Не сердитесь. Я ведь просто спросил.

– Нету! Тоже мне – одному окорочка подавай, другому – кефир. Когда всего вдоволь было, выпивали кефир и окорочка съедали по несколько штук за раз. Теперь, в конце вахты, мне приходится

остатки продуктов на несколько дней растягивать. Где я вам теперь мясо возьму?

Саламат забрал поднос и присел за стол на четверых. Он только пригубил бульон, как снова подкатила тошнота. Застучало в висках, и сильно закружилась голова.

– Приятного аппетита, парни! А ты почему не ешь? Сильно голова болит? – спросил машинист, подсаживаясь за стол к Саламату.

– Да, вроде как перестала болеть, а теперь снова в висках стучит. Аппетита нет.

– Они что, решили нас помоями кормить? Ты только посмотри, что подают! – возмутился один из работников.

– Постоянно так в конце вахты, – сказал с ухмылкой машинист. Саламат посмотрел на мужчину с торчащими бакенбардами, неухоженными заросшими усами и бородой.

– Неправильно все это. Ни зарплаты приличной, ни кормежки нормальной. Ишачишь тут пятнадцать дней, а заработанного даже с долгами рассчитаться не хватает и снова на вахту ехать, – сказал сидящий справа от Саламата нефтяник.

– Саламат, сейчас тебя, наверное, в город отвезут. Если сотрясение мозга – это не шутки. Поэтому обследуйся там хорошенько, – сказал машинист.

Саламат зевнул и откинулся на спинку стула. Поставил на стол стакан с чаем.

– Да, сказали, сейчас в город поедem.

– Ну и правильно, тебе надо обследоваться. С головой шутки плохи, – кивнул машинист.

После обеда, как обычно, нефтяники сгрудились у вагона, обсуждая последние новости. Из окна раздачи слышался грохот посуды. Открылась дверь вагона и в проеме показалась фигура мастера, который отобедал в числе первых и уже стоял на улице.

– Ты уже поел, Саламат? Машина ждет, езжай в город!

Пока Саламат поднимался из-за стола, из окна раздачи высунулось широкое лицо поварихи:

– Мастер, мастер! Если есть машина, можно я тоже в город смотаюсь? Только туда и обратно.

– Вам-то зачем в город, вы же на работе?

– Вахта к концу подходит, через пару дней домой возвращаться.

Хотела лишние вещи домой отвезти. Тогда и возвращаться легче будет!

– Что еще за вещи?!

– Грязное белье, то-се. Потом тяжело будет все везти, облегчить хочу себе дорогу.

– Хорошо. Только смотрите, чтобы мы без ужина не остались. Давайте быстрее! – сказал мастер и прикрыл дверь.

Потом послышалось, как мастер разговаривал с рабочими на улице.

Повариха вышла из кухни, засуетилась, оглядывая столовую.

– Грязную посуду сюда складывайте, побыстрее. Быстрее, не задерживайте меня!

Четыре человека сложили посуду у раздачи и вышли на улицу.

Степь застыла в полуденной дреме. Острая верхушка буровой вышки, возвышающейся над степью на сотни километров, словно впивалась в небо. Вбитые колами в землю электрические столбы подернуты легкой дымкой. Рабочий прибирался вокруг вагона, сдвинув каску на затылок, пытался снять с конца арматуры целлофановый пакет, тряся и раскачивая длинную железяку. Водитель старенького УАЗа, собираясь в дорогу, ковырялся под капотом машины. Стоявшие вокруг автомобиля рабочие галдели, смеясь над чем-то.

Саламат прикурил сигарету и уселся на кучу металлолома около вагона. Он протянул сигарету рабочему с запущенными усами и бородой, который подошел и, показав указательным и средним пальцем правой руки, попросил закурить. От неожиданно сильного пламени зажигалки у бородатого чуть не загорелись усы, борода и, в придачу ресницы, он быстро затушил зажигалку, посмотрел на Саламата и рассмеялся. Потом уменьшил газ, зажег и прикурил сигарету. Саламата затошнило, заныло в груди, закружилась голова. Он выбросил сигарету, успев затянуться лишь пару раз, и пошел переодеваться в спальный вагон. Вернулся через некоторое время к столовой, чтобы попрощаться с коллегами.

– Ладно, поехал. Будьте здоровы! – сказал он.

– Пусть голову хорошо посмотрят. И пролечись там как следует, – сказал ему машинист.

– Надо бы тебе в Аккалу съездить на обследование, у нас, в

Жанасу, вряд ли помогут,— сказал помощник буровика.

Нефтяники попрощались с Саламатом, помахав ему.

Со стороны вагона раздался голос поварихи:

— Эй, парни! Отнесите мои вещи в машину!

— Машина же подъедет сюда, подождите здесь, — сказал Саламат.

— Зачем ждать, надо отнести. Давайте! Идите сюда! — прокричала приказным тоном повариха.

Она оставила забитый доверху баул на крыльце и, возвращаясь обратно в вагон, скомандовала:

— Несите пока сумку в машину, я сейчас выйду!

— Ты иди, в машину садись, мы сами отнесем, — сказал Саламату нефтяник.

— Да ладно, сам отнесу. Голова, вроде, еще целая, на плечах, — улыбнулся он.

Саламат пронес сумку, оказавшуюся очень тяжелой около пятидесяти метров и поставил на землю.

— Кирпичи что ли накидала в сумку, блин...

Он пронес туго набитый баул еще некоторое расстояние, снова остановился и опустил груз на землю.

— Блин, что она туда положила?

Саламат приоткрыл молнию цветной сумки.

— Льда накидала что ли эта баба?

Он замялся и передумал заглядывать внутрь баула, словно повариха наблюдала за ним. Застегнул молнию сумки и семенящей походкой торопливо понес баул в машину.

3

Коллега-нефтяник, с виду лет сорока откинулся на колесо грузовика, прикрыл глаза и посмотрел на замолчавшего Саламата.

— Что теперь делать будешь? Если сильно болит, прерывай голодовку... Мы и в девятером справимся.

Саламат отрицательно покачал головой не открывая глаз.

— Говорю же, вытерплю. Кстати, какое сегодня число?

— Тридцать первое, — ответил нефтяник.

— Значит, завтра первое июня? — спросил Саламат.

— Да, — ответил мужчина.

Его очки показались Саламату на солнце черными и масляными как нефть.

– Целый год – работа-работа, детям времени совсем не уделял. В выходные – тоже дела да беготня. Только первого июня и вывожу детей погулять в город, – сказал Саламат через силу.

– Сколько у тебя детей?

– Сын да дочка. Вообще-то, их трое было, один умер, только родившись.

– Заболел что ли?

– Нет, – ответил Саламат.

– А что случилось? – спросил нефтяник.

– Здоровый родился и умер. Убили они его. Вспоминать неохота, – сказал Саламат, обхватив голову двумя руками. – Похоже, приступами голова болит. Временами терпеть невозможно боль, потом вдруг отпускает.

Нефтяник повернул к Саламату свое укутанное платком лицо и внимательно посмотрел на него. Потом поправил сползшую с носа белую повязку и сказал:

– Эх, брат! Нельзя так. Выпей лекарство или прекращай голодовку.

– Выпью лекарство. Обычно я не принимаю таблетки, жду, когда боль сама по себе пройдет.

Нефтяник махнул рукой группе людей, стоявших в отдалении. От группы отделился молодой парень и зашагал в их сторону.

– Братишка, цитрамон есть? Ну, или что-нибудь от головной боли принеси! У него голова сильно болит, невтерпеж уже, – сказал он в приказном тоне.

Загорелый, коренастый парень в низко надвинутой на глаза кепке кивнул, пошел обратно и снова присоединился к группе.

– Сейчас должен принести. Одному богу известно, сколько продлится наша голодовка, – пробормотал через силу.

Саламат покачал утвердительно головой и посмотрел на небо в пестрых облаках, на бархатистое предзакатное солнце. Майские жуки копошились в его обуви, шныряли туда-сюда. В нос ударил вонючий запах газа.

Об авторе: ЫРЫСБЕК ДАБЕЙ

Писатель, поэт. Родился в Алтайском крае Китая, в 2001 году переехал в Казахстан. Автор сборника стихов «Там, где росы прозрачны», сборника эссе-очерков «Истории из уст наших отцов», «Сияние», романов «Лето, когда расстреляли лошадей», «Жуки». Член Союза писателей Казахстана. Лауреат Международной литературной премии «Рух». Работал в Республиканских изданиях.

О переводчике: ОРАЛ АРУКЕНОВА

Окончила немецкий факультет Института иностранных языков в Алматы, школу менеджмента в Гамбурге. В 2018 году получила степень магистра в КазНПУ им. Абая. Научный сотрудник Института литературы и искусства им. М. Ауезова, докторантка КазНУ им. Аль-Фараби. Участница Лаборатории литературного перевода в Алматы. Проза, стихи, переводы и статьи публикуются в казахстанских и российских литературных журналах, в сборниках и альманахах. Книга «Правила нефтянки» победила в номинации «Дебют года» литературной премии «Алтын Калам» в 2018 году. Romanlar